

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

№ 4

Языки России в контакте с русским языком

МОСКВА
2020

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы номера:

Е. В. Кашкин, кандидат филол. наук;

Н. М. Стойнова, канд. филол. наук;

И. А. Хомченкова (Москва, Россия)

Редакционный совет

А. Е. Аникин, д. ф. н., академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

Яннис Какридис, Dr. habil., профессор (Берн, Швейцария);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плулунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, д. ф. н., член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Сомова

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 4

Indigenous languages of Russia in contact with Russian

MOSCOW
2020

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Editors of the Issue

Egor V. Kashkin, PhD;

Irina A. Khomchenkova;

Natalia M. Stoynova, PhD. (Moscow, Russia)

Editorial board

Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);

Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);

Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);

Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);

Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Yannis Kakridis, D. Sc., Professor (Bern, Switzerland);

Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);

Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);

Tore Nettet, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);

Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);

Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary

Alexandra E. Somova

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037.

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
<i>З. М. Халилова</i> (Россия, Москва), <i>М. Ш. Халилов</i> (Россия, Махачкала), <i>Я. Г. Тестелец</i> (Россия, Москва). Влияние русского языка на бежтинский и хваршинский языки	16
<i>Е. В. Буденная</i> (Россия, Москва). К вопросу о малоизученном факте экспансии местоимений в ижорском языке	34
<i>Д. В. Герасимов</i> (Россия, Санкт-Петербург). Союзные сравнительные конструкции в разговорном чувашском языке	49
<i>В. Ю. Гусев</i> (Германия, Гамбург / Россия, Москва). О камасинском постпозитивном условно-временном союзе <i>dak</i>	76
<i>Е. Л. Рудницкая</i> (Россия, Москва). Лексические заимствования из русского языка и модель управления в эвенкийском языке	89
<i>Е. В. Кашкин</i> . (Россия, Москва) Особенности русской речи носителей мокшанского языка	110
<i>В. В. Баранова</i> (Россия, Санкт-Петербург). Языковые контакты в Калмыкии и формирование локального варианта русского языка	131
<i>К. Наккарато, А. Б. Панова, Н. М. Стойнова</i> (Россия, Москва). Нестандартный порядок слов в дагестанском русском: именные группы с генитивом.	146
<i>Е. В. Рахилина</i> (Россия, Москва), <i>А. К. Казкенова</i> (Казахстан, Алматы). Маркирование итератива в русской речи носителей казахского языка	168
<i>М. З. Муслимов</i> (Россия, Санкт-Петербург). Особенности оформления именных групп в смешении кодов водский/русский и ижорский/русский	193
<i>С. А. Оскольская</i> (Россия, Санкт-Петербург). Переключение кодов в речи носителя нанайского языка	224
<i>Н. М. Стойнова</i> (Россия, Москва). «По-нанайски говори!» Переключение кодов в текстах на вымирающем языке	243
<i>В. В. Дьячков</i> (Россия, Москва). Структурные и социолингвистические характеристики горномарийско-русского переключения кодов: пилотное исследование	273
<i>И. А. Хомченкова</i> (Россия, Москва). Русские числительные в горномарийской речи	289

CONTENT

Предисловие	9
<i>Zaira Khalilova</i> (Russia, Moscow), <i>Madzhid Khalilov</i> (Russia, Makhachkala), <i>Yakov Testeleys</i> (Russia, Moscow). The impact of Russian on Bezhta and Khwarshi.	16
<i>Evgeniya Budennaya</i> (Russia, Moscow). The expansion of third-person pronouns in Ingrian	34
<i>Dmitry Gerasimov</i> (Russia, Saint Petersburg). Particle comparatives in spoken Chuvash	49
<i>Valentin Gusev</i> (Germany, Hamburg / Russia, Moscow). On the postpositive conditional-temporal conjunction <i>dak</i> in Kamas	76
<i>Elena Rudnitskaya</i> (Russia, Moscow). Lexical borrowings from Russian, and the subcategorization frame in Evenki	89
<i>Egor Kashkin</i> (Russia, Moscow). Some peculiarities of the Russian speech of Moksha speakers . . .	110
<i>Vlada Baranova</i> (Russia, Saint Petersburg). Language contacts in Kalmykia and the emerging of a new local Russian variety	131
<i>Chiara Naccarato, Anastasia Panova, Natalia Stoynova</i> (Russia, Moscow). Non-standard word order in Daghestanian Russian: noun phrases with the genitive	146
<i>Ekaterina V. Rakhilina</i> (Russia, Moscow), <i>Aimgul K. Kazkenova</i> (Kazakhstan, Almaty). Marking of iterative in Russian speech of Kazakh speakers	168
<i>Mehmet Muslimov</i> (Russia, Saint Petersburg). On the structure of the noun phrase in Votic/Russian and Ingrian/Russian code-mixing.	193
<i>Sofia A. Oskolskaya</i> . (Russia, Saint Petersburg). Code-switching in the speech of a Nanai speaker	224
<i>Natalia Stoynova</i> (Russia, Moscow). “Speak Nanai!” Code-switching in texts in an endangered language	243
<i>Vadim V. Dyachkov</i> (Russia, Moscow). Structural and sociolinguistic features of Hill Mari — Russian code switching: a pilot study	273
<i>Irina Khomchenkova</i> (Russia, Moscow). Russian numerals in Hill Mari speech	289

Е. В. Буденная
НИУ ВШЭ, Институт языкознания РАН
(Россия, г. Москва)
jane.sdrv@gmail.com

К ВОПРОСУ О МАЛОИЗУЧЕННОМ ФАКТЕ ЭКСПАНСИИ МЕСТОИМЕНЕЙ В ИЖОРСКОМ ЯЗЫКЕ*

В статье представлено диахроническое исследование экспансии местоимений 3-го лица в сойкинском диалекте ижорского языка (уральская семья, прибалтийско-финская группа). В ходе предварительного анализа данных было обнаружено, что в современном ижорском языке во всех лицах субъектные местоимения по умолчанию употребляются. Данная модель нехарактерна для других уральских языков, где местоимения преимущественно опускаются либо во всех лицах, либо в 1-м и 2-м лицах, в противоположность 3-му лицу. Для выяснения генезиса экспансии местоимений современные ижорские тексты были сопоставлены с самым ранним памятником (сказкой XIX в.), с одной стороны, и нарративами середины XX в. (данные П. Аристе), с другой стороны. Анализ показал, что в ижорском языке XIX в. субъектные местоимения 3-го лица в претеритных клаузах преимущественно опускались, тогда как местоимения 1-го и 2-го лиц уже в основном эксплицитно выражались. Записи середины XX в. отразили схожую асимметрию 1-го/ 2-го vs. 3-го лица не только в претерите, но и в презенсе. Тем самым было установлено, что в период 2-й половины XX в. в ижорском языке происходит масштабная экспансия личных местоимений 3-го лица. Причины этого явления, по всей видимости, обусловлены влиянием русского языка в ходе интенсивно возросших контактов после 1930-х гг., и могут трактоваться как заимствование субъектной синтаксической модели.

Ключевые слова: ижорский язык, личное местоимение, 3-е лицо, субъектная референция, языковые контакты, диахрония.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460 «Грамматика на перекрестке дискурсивных и семантических факторов (опыт когнитивного моделирования)».

Введение

Данная статья посвящена экспансии личных местоимений субъектной референции в истории ижорского языка (прибалтийско-финская группа). В работе будет рассмотрен сойкинский диалект — один из двух основных диалектов ижорского языка, сохранившихся до наших дней наряду с нижнелужским. Носители ижорского языка, малочисленная народность ижора, проживают на территории Кингисеппского района Ленинградской области, однако на сегодняшний день ижорский язык включен ЮНЕСКО в Атлас исчезающих языков мира¹ с пометой *severely endangered*, поскольку все его носители двуязычны (второй и основной язык — русский) и являются уже глубоко пожилыми людьми. На сегодняшний день (март 2019 г.), по оценке Ф.И. Рожанского и Е.Б. Маркус, число носителей ижорского языка уже не превышает 10 человек.

В этой связи особый интерес представляет ижорская субъектная референция, обнаруженная в данных последних полевых записей этого языка, записанных Ф.И. Рожанским и Е.Б. Маркус в ходе экспедиции 2011 г.² При сопоставлении этих данных с русскими нарративами было установлено, что в ижорском языке, как и в русском, на сегодняшний день представлена схожая стратегия маркирования прономинального субъекта: в большинстве случаев субъект маркируется сочетанием личного местоимения и глагольного аффикса, но периодически местоимение опускается, и референт идентифицируется только по личным аффиксам глагола:

- (1) Ижорский:
a.	<i>hā</i>	<i>kūl-i-ø</i>		
	3SG	умереть-PST-3SG		
		‘Она умерла’		
b.	<i>miä</i>	<i>mišša-n</i>	<i>šene-n</i>	<i>hüväšt</i>
	1SG	помнить.PRS-1SG	это-GEN	хорошо
		‘Я хорошо это помню’		
c.	<i>no</i>	<i>šīn</i>	<i>män-i-mmä</i>	<i>praažnigaa-kš</i>
	ну	так	ходить-PST-1PL	праздник-TRANS
		‘Ну, так мы ходили на праздник’		

Ср. схожую модель в современном русском (приблизительно от 2/3 до 3/4 клауз вхождения с местоимением в естественной диалогической речи, в зависимости от лица — в 3-м лице субъектные местоимения встречаются несколько чаще, чем в 1-м и 2-м лицах [Grenoble 2001]):

¹ <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap>

² Все современные примеры из ижорского языка, представленные в статье, взяты из этого источника; глоссирование примеров принадлежит автору статьи и сочетает несколько представленных в литературе подходов.

(2) Русский:

Я не умею!— Слушай! Ты достал. Что ты заладил "не умею, не умею!" <...> Ø_{pro} Возьмёшь микрофон. (Национальный корпус русского языка, запись в ЖЖ)

Тем не менее в типологической перспективе подобная местоименно-аффиксальная стратегия является крайне редкой. В выборке из 402 языков она представлена только в Европе (германские, северные романские и восточнославянские языки), а также в некоторых австронезийских языках и языках Папуа-Новой Гвинеи [Siewierska 2004: 268]. Самой же распространенной стратегией в языках мира является модель, при которой субъект маркируется только глагольными аффиксами, без дополнительного субъектного местоимения (61 % языков, включая тюркские, большинство романских, западно- и южнославянские [Dryer 2011]). Этот же тип субъектной референции характерен и для большинства современных уральских языков [Klump et al. 2018: 21]:

(3) Венгерский:

Megtalál-tam a megoldás-t. Egyetérte-sz?
 найти-PST.DEF.1SG DEF решение-ACC быть.согласным-PRS.2SG
 ‘Я нашел решение. Ты согласен?’ [Németh T. Enikő 2017: 117]

Для отдельных финно-угорских языков (финский, эстонский [Duvallon, Chalvin 2004], коми [Лыткин 1955: 210]) характерна смешанная стратегия маркирования референции: в 1-м и 2-м лице субъектные местоимения в неэмфатических контекстах, как правило, опускаются, а в 3-м лице, наоборот, употребляются:

(4) Финский:

a.	<i>puhu-n</i>	<i>suome-a</i>
	говорить.PRS-1SG	финский-PART
	‘Я говорю по-фински’	
b.	<i>puhu-t</i>	<i>suome-a</i>
	говорить.PRS-2SG	финский-PART
	‘Ты говоришь по-фински’	
c.	<i>Hän /*Ø_{pro} puhuu</i>	<i>suome-a</i>
	3SG говорить.PRS.3SG	финский-PART
	‘Он(а) говорит по-фински’	

Однако стратегия ижорского типа, с преобладанием субъектных местоимений в немаркированных контекстах во всех лицах, без явно выраженной асимметрии, для уральских языков крайне нехарактерна. В связи с этим можно предположить, что она является поздней инновацией. С учетом общей типологической редкости этой модели, история ее возникновения в ижорском языке представляет большой интерес.

В этой связи в данной работе будет представлено диахроническое исследование ижорской субъектной референции, осуществленное на основе сопоставления ранних данных XIX в., данных середины XX в. и современных данных. Работа будет построена следующим образом: в разделе 1 будет более подробно рассмотрена

референциальная стратегия в современном ижорском языке; в разделе 2 будет осуществлен анализ текстов XIX в.; в разделе 3 будут проанализированы тексты середины XX в. и рассмотрены некоторые вопросы, связанные с общей интерпретацией полученных результатов; в разделе 4 будут обрисованы возможные причины экспансии местоимений, прослеживаемой в ходе анализа ижорских текстов.

1. Современные данные: принципы анализа и результаты

Как видно уже из примера (1), в современном ижорском языке субъектное местоимение может как присутствовать, так и опускаться. Имеющиеся эмпирические данные позволяют предполагать, что стратегия с местоимением является более частотной, однако для более точной оценки данных был осуществлен их статистический анализ. Данными для анализа послужили 2 нарратива, записанные Ф.И. Рожанским и Е.Б. Маркус в ходе экспедиции в деревню Сойкино в 2011 г. (на данный момент еще не опубликованы). Общий корпус релевантных клауз с исследуемой субъектной референциальной стратегией, извлеченных из этих записей, составил 179 вхождений. Все извлеченные клаузы были распределены по различным группам в зависимости от лица субъекта (1-е/ 2-е vs. 3-е) и наличия/отсутствия личного субъектного местоимения. С учетом того, что именные клаузы и аналитические перфектные модели встречались крайне редко, к непосредственному статистическому анализу были привлечены только презентные и претеритные клаузы, составляющие ядро ижорской глагольной системы [Маркус, Рожанский 2012: 456].

Для дальнейшего статистического анализа все извлеченные клаузы были распределены по восьми следующим моделям:

1. Презентные клаузы с субъектом 1-го/2-го лица с соответствующим личным местоимением (далее — модели *1–2 PRS +pronoun*);
2. Презентные клаузы с субъектом 1-го/2-го лица без соответствующего личного местоимения (далее — модели *1–2 PRS -pronoun*);
3. Претеритные клаузы с субъектом 1-го/2-го лица с соответствующим личным местоимением (далее — модели *1–2 PST+pronoun*);
4. Претеритные клаузы с субъектом 1-го/2-го лица без соответствующего личного местоимения (далее — модели *1–2 PST -pronoun*);
5. Презентные клаузы с субъектом 3-го лица с соответствующим личным местоимением (далее — модели *3 PRS +pronoun*);
6. Презентные клаузы с субъектом 3-го лица без соответствующего личного местоимения (далее — модели *3 PRS -pronoun*);
7. Претеритные клаузы с субъектом 3-го лица с соответствующим личным местоимением (далее — модели *3 PST +pronoun*);
8. Претеритные клаузы с субъектом 3-го лица без соответствующего личного местоимения (далее — модели *3 PST -pronoun*).

Исходные количественные данные по всем этим моделям представлены ниже, в таблице 1.

Современный ижорский язык: соотношение различных референциальных моделей по параметру (\pm субъектное местоимение), в зависимости от лица и времени

Тип модели	Количество вхождений	%
1-2 PRS +pronoun	46	46%
1-2 PRS -pronoun	54	54%
3 PRS +pronoun	31	97%
3 PRS -pronoun	1	3%
1-2 PST +pronoun	19	70%
1-2 PST -pronoun	8	30%
3 PST +pronoun	15	75%
3 PST -pronoun	5	25%
ВСЕГО	179	100%

Попарный статистический анализ (биномиальный критерий, p -value<0.05), примененный ко всем представленным в таблице 1 группам клауз, подтвердил значимое преобладание моделей с местоимением во всех исследуемых группах, за исключением презентных клауз с субъектом 1-го/2-го лица (выделены серым), где имеющиеся данные не позволяли говорить о преобладании какой-то одной из моделей. При этом ижорские количественные данные по соотношению местоименных и безместоименных моделей обнаружили значительное сходство с данными русского языка (приблизительно от 2/3 до 3/4 клауз вхождений с местоимением в естественной диалогической речи, в зависимости от лица [Grenoble 2001]).

2. Данные XIX в.: обзор памятников и их результаты в сопоставлении с современными нарративами

Первые тексты на ижорском языке относятся ко 2-й половине XIX в. (сказки, записанные в первой ижорской грамматике [Porkka 1885]). Несмотря на то, что срок, отделяющий эти данные от современных текстов, не превышает 120 лет, по косвенным данным можно предполагать, что определенные тенденции в сторону экспансии местоимений, если таковая была, за этот период можно отследить. В частности, известно, что в сойкинском диалекте ижорского языка за последние 120 лет был засвидетельствован целый ряд системных изменений — отмирание потенциалиса и форм императива 3-го лица, отеснение на языковую периферию форм перфекта и плюсквамперфекта (подробнее см. [Николаев 2001]). Хотя данные процессы связаны в первую очередь с морфологией, в отношении синтаксиса также можно допустить, что он претерпел изменения и референциальная модель с субъектным местоимением за это время могла стать более частотной.

Основным источником данных для ижорского языка XIX в. стала сказка «Золотая птица»³ из грамматики [Porkka 1885], переведенная и глоссированная в [Маркус, Рожанский 2012]. Текст этой сказки был записан В. Порккой в деревне *Tarinai* (Андреевщина) и отражает центральные говоры сойкинского диалекта — одного из двух основных диалектов ижорского языка, сохранившихся до наших дней наряду с нижнелужским. Эта сказка является самым ранним оригинальным прозаическим текстом на ижорском языке, дошедшим до наших дней.

Общий объем релевантных вхождений, извлеченных из этой сказки, составил 92 единицы. Весь анализ осуществлялся по 8 моделям, аналогичным тем, которые выделялись при исследовании современных ижорских данных (см. раздел 1).

Результаты анализа показали, что для ижорского языка в сказках XIX в. в претеритных клаузах с субъектом 3-го лица констатируется преимущественно аффиксальная стратегия маркирования референции, тогда как в современном языке в этих моделях уже доминирует местоименно-аффиксальная модель (см. таблицу 2, значимое⁴ изменение в субъектной референции 3-го лица выделено серым). Ситуация же в 1-м и 2-м лице остается без изменений — и в XIX, и в XX вв. в обоих языках в этих формах немаркированной является модель с субъектным местоимением. Тем самым, в истории ижорского языка констатируется значимая экспансия местоимений 3-го лица в претерите (период XX в.):

Таблица 2

Соотношение различных референциальных моделей в ижорском языке XIX в. и современном ижорском языке

	1885 г., количество вхождений	%	2011 г., количество вхождений	%
1–2 PRS +pronoun	18	62 %	46	46 %
1–2 PRS -pronoun	11	38 %	54	54 %
3 PRS +pronoun	0	N/A	31	97 %
3 PRS -pronoun	2	N/A	1	3 %
1–2 PST +pronoun	8	50 %	19	70 %
1–2 PST -pronoun	8	50 %	8	30 %
3 PST +pronoun	9	20 %	15	75 %
3 PST -pronoun	36	80 %	5	25 %
Всего	92		179	

При этом, согласно полученной картине, в ижорском языке XIX в. в субъектной референциальной модели 1-го/ 2-го vs. 3-го лица также наблюдалась асимметрия, противоположная той, что присутствует в современном финском и ряде других

³ Сюжет этой сказки во многом перекликается с русской народной сказкой об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке.

⁴ Критерий χ -квадрат, p -value < 0.01

финно-угорских языков (а также отчасти противоположная той, что присутствует в современном русском). Так, местоименные клаузы с субъектом 1-го и 2-го лица встречались чаще, чем модели без соответствующего личного местоимения, однако в 3-м лице в претерите, наоборот, основной являлась безместоименная стратегия:

- (5) *mi-dä* *tõ* *tappele-tta*
 что-PART 2PL драться.PRS-2PL
 ‘Что вы деретесь?’
- (6) *kirssõ-st* *sa-i-ø* *jänikse-n*
 сундук-EL получать-PST-3SG заяц-GEN
 ‘Из сундука [он] достал зайца’
- (7) *ott-i-ø* *linnu-n* *i* *kletka-n*
 взять-PST-3SG птица-GEN и клетка-GEN
 ‘[он] взял птицу и клетку’

Тем не менее, поскольку ранние результаты были получены только на данных сказки, может возникнуть вопрос о том, правомерно ли на основании этого делать вывод о референциальной стратегии в ижорском языке XIX в. вообще, поскольку для сказок может быть характерен свой собственный синтаксис. Поскольку никаких ижорских текстов нефольклорного жанра за период XIX в. не осталось, особый интерес представляют промежуточные с хронологической точки зрения данные первой половины и середины XX в.: в случае обнаружения модели, аналогичной той, что была обнаружена в сказке XIX в., тезис о ее значимом присутствии в ижорском языке соответствующего времени будет подкреплён. С целью его проверки, а также возможного уточнения других особенностей предполагаемой экспансии местоимений и ее динамики, в разделе 3 будет представлен анализ нескольких ижорских рассказов, записанных П. Аристе в 1957 г.

3. Данные середины XX в. в контексте более ранних и современных данных

XX в. в плане языковой политики в отношении малых народов условно подразделяется на два периода: 1920-е — середина 1930-х гг., ознаменовавшиеся государственной поддержкой коренных языков в целом и ижорского в частности, и период после середины 1930-х гг., связанный с интенсивной русификацией и массовым переходом ижоры на более престижный русский язык. Несмотря на краткий период преподавания ижорского языка в школах в начале 1930-х гг., опубликованных материалов на нем в период первой половины XX в. достаточно мало, и основную массу этих текстов составляют учебные пособия [Маркус, Рожанский 2012: 450]. Самые ранние нарративные данные, полученные непосредственно от ижорских информантов, относятся к 1950-м гг. (экспедиция П. Аристе [Ariste 1960]). Для данной работы было принято решение включить в анализ выборку из этих нарративов, а именно рассказы ижорки Крестины Андреевой. Эти нарративы представляют собой тот же сойкинский диалект, что и сказка

«Золотая птица» [Porkka 1885], однако были записаны приблизительно на 70 лет позже.

В итоговый анализ вошло 19 нарративов К. Андреевой (№№ 1–9, 11, 14, 20–25, 27) в записи [Ariste 1960]), при этом песенные фрагменты, представленные в некоторых записях, не были включены в выборку в силу возможных дополнительных жанровых особенностей. Тексты отбирались по наличию в них исследуемых моделей, особое внимание отводилось клаузам с субъектом 3-го лица. Общий объем клауз, извлеченный из этих текстов, составил 124 клаузы. Все они были распределены по лицам и временам, аналогично остальным анализируемым данным, и сопоставлены с данными сказки 1885 г., с одной стороны, и современными данными 2011 г., с другой стороны:

Таблица 3

**Сопоставление различных субъектных референциальных моделей
в ижорских текстах XIX, XX и XXI вв.**

	1885 г., вхождений	%	1957 г., вхождений	%	2011 г., вхождений	%
1–2 PRS +pronoun	18	62%	6	24%	46	46%
1–2 PRS -pronoun	11	38%	19	76%	54	54%
3 PRS +pronoun	0	N/A	0	0%	31	97%
3 PRS -pronoun	2	N/A	8	100%	1	3%
1–2 PST +pronoun	8	50%	21	41%	19	70%
1–2 PST -pronoun	8	50%	30	59%	8	30%
3 PST +pronoun	9	20%	11	28%	15	75%
3 PST -pronoun	36	80%	29	72%	5	25%
Всего	92		124		179	

Анализ показал, что, как и в сказке XIX в., в нарративах К. Андреевой в претеритных клаузах с субъектом 3-го лица местоимения преимущественно опускаются. Статистически данное соотношение значимо (χ -квадрат, p -value < 0.01) отличается от современной ситуации, где местоимение уже в большинстве случаев выражается эксплицитно. При этом данные К. Андреевой отразили аналогичную ситуацию в презентных клаузах: в них, как и в претеритных, в случае редуцированного субъекта 3-го лица местоимение преимущественно опускалось (p -value < 0.05), см. график 1.

Эта особенность 3-го лица отличает ижорский язык середины XX в. и от современного ижорского языка, где местоимения уже преимущественно употребляются (см. таблицу 3 и график 1):

- (8) *siz* *paistū*
 затем печья.PRS.3SG
 ‘Затем [он] печется’ (о хлебе)

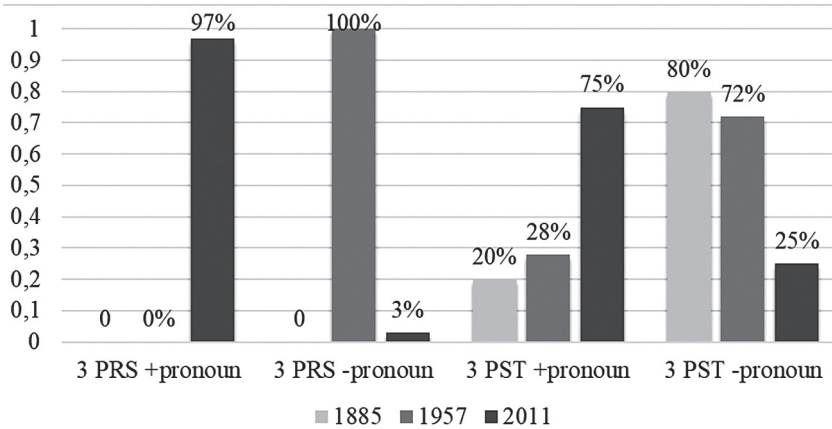

График 1. Выражение субъекта 3-го лица в текстах разных периодов

- (9) *lämmä-dä maito-a tahtō*
 теплый-PART молоко-PART хотеть.PRS.3SG
 '[Он] хочет теплого молока' [Ariste 1957]

Вполне возможно, что данная модель была свойственна и ижорскому языку XIX в., однако в силу крайне малого количества данных (всего 2 примера, см. таблицу 2) статистический вывод на их основании сделать было нельзя.

Кроме этого, в рассказах К. Андреевой выявилась другая особенность: помимо 3-го лица, в претеритных клаузах субъектные местоимения часто опускались и в 1-м/ 2-м лицах (см. таблицу 3, выделено серым). Можно предположить, что в случае К. Андреевой выбору безместоименной стратегии способствовали дополнительные дискурсивные факторы. Однако и здесь можно видеть больший процент безместоименных моделей в 3-м лице, по сравнению с 1-м и 2-м лицами.

В целом, ижорские данные середины XX в. подтверждают гипотезу об имевшейся асимметрии 1-го / 2-го vs. 3-го лица в референциальной стратегии этих языков XIX — начала XX вв. Как и в данных XIX в., в нарративах середины XX в. местоимения 1-го и 2-го лица эксплицитно выражаются чаще местоимений 3-го лица. При этом, в отличие от сказки XIX в., где соответствующих вхождений было слишком мало для установления статистической закономерности, нарративы середины XX в. отражают подобную асимметрию не только для претерита, но и для презенса.

4. Возможные причины экспансии местоимений в ижорском языке

4.1. Замечания об асимметрии субъектной референции 1-го/2-го vs. 3-го лица в языках мира и схожих диахронических процессах

Согласно текстам XIX–XX вв., в истории ижорского языка восстанавливается ранее существовавшая асимметрия 1-го/2-го vs. 3-го лица в субъектной референции: местоимения 3-го лица употребляются значимо реже соответствующих

местоимений 1-го и 2-го лиц. Однако в контексте других уральских языков эта модель является достаточно редкой. Как уже отмечалось ранее, для большинства из них по умолчанию характерна либо безместоименная аффиксальная стратегия во всех лицах, либо только в 1-м и 2-м лице, в противоположность 3-му лицу, где местоимения обычно употребляются (финский, эстонский). Можно видеть, что стратегия, представленная в ижорском языке XIX — 1-й половины XX вв., является, по сути, «обратной» по отношению к финской и эстонской. С учетом такой необычности ее наличие в других языках за пределами уральской семьи, представляет отдельный интерес.

В этой связи можно отметить, что в языках мира в целом модель с опущением местоимений 3-го лица, в противоположность 1-му и 2-му лицам, не является исключительно редкой. Так, она фигурирует в древневерхненемецких текстах IX в. (Монзейские фрагменты, переводные трактаты Исидора и Татиана) [Axel 2007: 314]. Эти тексты являются самыми ранними и вместе с тем последними памятниками древневерхненемецкого языка, где еще отражаются следы архаичной безместоименно-аффиксальной стратегии. Можно видеть, что в истории немецкого языка прослеживается такой же путь референциальной перестройки, как и в ижорском языке: ранее всего субъектные местоимения начинают доминировать в 1-м и 2-м лицах, а в 3-м лице устанавливаются позднее. Эти данные указывают на общую теоретическую возможность такого развития событий и, с учетом эмпирических данных, укрепляют тезис об аналогичном сценарии для ижорского языка.

Что же касается экспансии местоимений как таковой, т. е. изменения референциальной стратегии от аффиксального в сторону местоименно-аффиксального типа, то данный процесс также прослеживается в ряде языков, прежде всего германских и восточнославянских. Причины его традиционно связываются с системной утратой личных глагольных аффиксов, сделавшей однозначную идентификацию субъекта невозможной и повлекшей за собой распространение другого аналитического показателя — личного местоимения [Rizzi 1986; Roberts 2014]. Диахронические данные подтверждают эту гипотезу (см., в частности, [van Gelderen 2011] для английского, [Müller 2005] — для языков типа немецкого, [Meyer 2011] — для древнерусского). Однако для ижорского, языка, в отличие от германских и восточнославянских языков, никакой системной утраты глагольных аффиксов не прослеживается, см. (10):

- (10) Ижорский язык (сойкинский диалект), система личных форм финитного глагола [Markus, Rozhanskiy (in print)]:

		sg	pl
1		<i>n</i>	<i>mma/mmä</i>
2		<i>d</i>	<i>ta/ttä</i>
3	PRS	<i>b</i> <i>jaa/jää</i> <i>∅</i>	<i>vad/väd</i> <i>jaad/jääd</i> <i>d</i>
	PST	<i>∅</i>	<i>vad/väd</i> <i>d</i>

Тем самым, можно видеть, что внутриязыковой сценарий с утратой аффиксов не подходит для объяснения экспансии местоимений в ижорском языке. С учетом этих данных, представляется правомерным говорить о том, что причина перестройки субъектной референциальной модели в ижорском языке не была вызвана внутренними причинами. В связи с этим ниже будут рассмотрены внешние факторы, которые могли бы ее спровоцировать. Предварительно будет дан краткий обзор современной социолингвистической ситуации для рассматриваемых языков.

4.2. Внешние факторы

Как уже указывалось в разделе 1, на сегодняшний день все носители ижорского языка пожилые и в повседневном общении используют преимущественно русский язык; фактически можно говорить об умирании ижорского языка. Обнаруженная экспансия местоимений 3-го лица в истории ижорского языка приходится на период после 1930-х гг. XX в. Именно на это время приходится массовый переход ижоры на русский. Так, если на момент середины XIX в. ижорцы еще в массе своей были одноязычными [Николаев 2002: 76], то с началом 1930-х гг. в связи с резким поворотом государственной политики происходит их интенсивная русификация. В частности, все немногочисленные школы, где велось преподавание на ижорском языке, к середине 1930-х гг. были закрыты [Мусаев 2004: 303]. Последующая Великая Отечественная война и осуществленное в 1943 г. по инициативе «сверху»⁵ переселение ингерманландских народов в Финляндию привели к колоссальному сокращению ижоры. В результате в бывших моноэтнических ижорских деревнях стали селиться русские жители, возросло количество межнациональных браков, и в ходе этого на протяжении всей своей дальнейшей истории ижорский язык активно вытеснялся более престижным русским языком.

С точки зрения типа контактов, происходивших между русскими и ижорой после 1930-х гг., можно говорить о том, что в этом случае имел место резкий переход последних на русский язык, причем в первую очередь массово возросли контакты между взрослыми носителями. Эти параметры языковых изменений, согласно П. Традгилу [Trudgill 2011], в совокупности свидетельствуют о тенденции языкового изменения в сторону уменьшения языковой сложности. Появление дополнительных субъектных местоимений 3-го лица, по аналогии с уже распространившимися ранее местоимениями 1-го и 2-го лиц, может служить примером «упрощения» языковой системы, вызванного подобным типом контакта. Тем самым наблюдаемая референциальная перестройка в ижорском языке с достаточной вероятностью объясняется внешними факторами, а именно — влиянием соседнего русского языка.

⁵ Несмотря на то, что официально переселение считалось «добровольным», все бывшие участники соответствующих событий отмечали ученым, что на переезд им принудительно отводилось 24 часа, [Kuznetsova et al. 2015: 157–158; см. также воспоминания очевидицы Филатова 2003]. Впоследствии в ходе депортации многие погибли в эстонском концлагере Клоога, а в 1944 г., когда было разрешено вернуться на территорию СССР, селиться на прежних территориях официально запрещалось [Kuznetsova et al. 2015: 158].

Заключение

В статье был проанализирован процесс экспансии местоимений в глагольных клаузах в истории ижорского языка — одного из малых языков прибалтийско-финской группы, в данный момент находящегося под угрозой исчезновения. Было установлено, что в самом раннем ижорском тексте — сказке, записанной во второй половине XIX в. — в претеритных клаузах наблюдается асимметричная референциальная стратегия: в 1-м и 2-м лицах модель с использованием субъектного местоимения распространена намного больше, чем в 3-м лице. Данная стратегия отличается от той, что представлена в современном ижорском языке, где эксплицитно выраженные местоимения доминируют уже во всех лицах. Тем не менее факт ее присутствия именно в сказках вызывал некоторые сомнения в правомерности ее постулирования для ижорского языка XIX в. в целом. Для проверки этого тезиса данные сказок были сопоставлены с данными более поздних нарративов середины XX в., полученных в ходе бесед с информанткой. Анализ подтвердил аналогичную асимметрию в этих текстах и вместе с тем показал, что, по всей вероятности, она же наблюдалась и в презентных клаузах.

Наиболее правдоподобными причинами экспансии местоимений представляются контакты с носителями русского языка, массово возросшие в период после 1930-х гг. Данный тип заимствования синтаксической модели — распространение субъектных местоимений 3-го лица, по аналогии с местоимениями 1-го и 2-го лиц, — можно трактовать как уменьшение языковой сложности в результате контакта с другим языком, в данном случае — русским.

Принятые сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица; ACC — аккузатив; EL — элатив; F — женский род; GEN — генитив; M — мужской род; N — средний род; PL — множественное число; PART — партитив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; TRANS — транслатив.

Литература

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянской культуры, 2008. 280 с.

Маркус Е. Б., Рожанский Ф. М. «Золотая птица» (публикация ижорской сказки, записанной в XIX веке). *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Т. VIII, № 1. С. 448–503.

Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб.: Нестор-История, 2004. 450 с.

Николаев И. С. Основные тенденции в изменении грамматической системы ижорского языка XX века // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000*. Тарту, 2001. Ч. V. С. 449–453.

Николаев И. С. Отмирание языка: на материале сойкинского диалекта ижорского языка: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2002. 149 с.

Ariste P. Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused. 1960. Vol. V. P. 7–68.

Dryer M. S. Expression of Pronominal Subjects. // World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool. / ed. By M. Haspelmath et al. Munich: Max Planck Digital Library, 2011. Chapter 101. URL: <http://wals.info/feature/101A>

Duvallon O., Chalvin A. La réalisation zéro du pronom sujet de première et de deuxième personne du singulier en finnois et en estonien parlés // *Linguistica Uralica* XL. 2004. Vol. 4. P. 270–286.

Enikő Németh T. Zero subject anaphors and extralinguistically motivated subject pro-drop in Hungarian language use. // *Implicitness: From Lexis to Discourse* / ed. by P. Cap P., M. Dynel. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 95–118.

Grenoble L. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. // *Glossos*. 2001. №1. URL: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf>

Kibrik A. A. Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive calculative account // *Studies in Anaphora* / ed. by B. A. Fox. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 266–303.

Klumpp G., Mazzitelli L. F., Rozhanskiy F. Typology of Uralic languages: current views and new perspectives. Introduction to the special issue of ESUKA — JEFUL. // *ESUKA — JEFUL*. 2018. №9 (11). P. 9–30.

Kuznetsova N., Markus E., Muslimov M. Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background. // *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union. (Multilingual Education 13: Comparative studies on equality and diversity).* / ed. by H. Marten, M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen. Berlin: Springer, 2015. P. 127–167.

Markus E., Rozhanskiy F. Ingrian // *The Oxford Guide to the Uralic Languages.* / ed. by J. Laakso, M. Bakró-Nagy, E. Skribnik. Oxford: Oxford University Press (in print).

Meyer R. The History of Null Subjects in North Slavonic (A Corpus-based Diachronic Investigation). Habilitation Thesis. Regensburg: University of Regensburg, 2011. 274 p.

Müller G. Pro-drop and Impoverishment // *Form, structure and grammar.* / ed. by P. Brandt, E. Fuss. Tübingen: Narr, 2005. P. 93–115.

Enikő Németh T. Zero subject anaphors and extralinguistically motivated subject pro-drop in Hungarian language use. // *Implicitness: From Lexis to Discourse* / ed. by P. Cap P., M. Dynel. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 95–118.

Porkka V. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanlandischen Dialekte. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn, 1885. 156 S.

Siewierska A. Person. Cambridge, 2004. 327 p.

Trudgill P. Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity. Oxford: OUP, 2011. 236 p.

Zalizniak A. A. Drevnerusskiye enklitiki [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2008. 280 p.

Evgeniya Budennaya

NRU Higher School of Economics & Institute of Linguistics, RAS

(Russia, Moscow)

jane.sdrv@gmail.com

THE EXPANSION OF THIRD-PERSON PRONOUNS IN INGRIAN

This article presents a diachronic study of third-person pronouns' expansion in the Soikkola dialect of the Ingrian language (Uralic family, Finnic group). A preliminary analysis revealed that in modern Ingrian all personal subject pronouns tend to be explicitly expressed. This pattern is unusual for other Uralic languages, where pronouns are mostly omitted either in all three grammatical persons, or in first- and second person, in contrast to the third person. To clarify the genesis and to reconstruct the way of the presupposed expansion of pronouns, we compared modern Ingrian transcripts with the earliest Ingrian text (19th century tale) and with the mid-twentieth century narratives (P. Ariste's records). It was found out that in the 19th century Ingrian third-person referential pronominal subjects tended to be elided in the past tense, while first- and second person pronouns were explicitly expressed. The records of the mid-20th century reflected a similar asymmetry of the 1st / 2nd vs. 3rd person in the present tense as well. We can thus claim that Ingrian was indeed affected by a massive expansion of third-person subject pronouns during the 2nd half of the 20th century. The reasons for this phenomenon, apparently, are due to Russian influence through intensively increased contacts after the 1930s.

Key words: Ingrian, personal pronoun, third person, subject reference, language contact, diachrony.

References

Ariste P. Isuri keelenäiteid. *Keele ja kirjanduse instituudi uurimused*, 1960, no. V, pp. 7–68.

Dryer M. S. Expression of Pronominal Subjects. *World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool*, ed. by M. Haspelmath M. et al. Munich: Max Planck Digital Library, 2011. Chapter 101. URL: <http://wals.info/feature/101A>

Duvallon O., Chalvin A. La réalisation zéro du pronom sujet de première et de deuxième personne du singulier en finnois et en estonien parlés. *Linguistica Uralica*, 2004, no. XL(4), pp. 270–286.

Enikő Németh T. Zero subject anaphors and extralinguistically motivated subject pro-drop in Hungarian language use. *Implicitness: From Lexis to Discourse*, ed. by P. Cap P., M. Dynel. Amsterdam: John Benjamins, pp. 95–118.

Filatova E.N. *Detstvo, opalennoye vojnoj*. [The war-affected childhood]. Saint Petersburg: Bel'veder, 2003. 36 p. (In Russ.)

Grenoble L. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. *Glossos*, 2001, no 1(1). Available at: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf> (accessed 23.05.2019)

Kibrik A. A. Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive calculative account. *Studies in Anaphora*, ed. by B. A. Fox. Amsterdam: John Benjamins, 1996, pp. 266–303.

Klumpp G., Mazzitelli L. F., Rozhanskiy F. Typology of Uralic languages: current views and new perspectives. Introduction to the special issue of ESUKA — JEFUL. *ESUKA — JEFUL*, no. 9(11), 2018, pp. 9–30.

Kuznetsova N., Markus E., Muslimov M. Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background. *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union. (Multilingual Education 13: Comparative studies on equality and diversity)*, ed. by H. Marten H., M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen R. Berlin: Springer, 2015, pp. 127–167.

Markus E., Rozhanskiy F. Ingrian. *The Oxford Guide to the Uralic Languages*, ed. by J. Laakso, M. Bakró-Nagy, E. Skribnik. Oxford: Oxford University Press (in print).

Markus E. B., Rozhanskiy F. I. «Zolotaya ptitsa» (publikatsija izhorskoj skazki, zapisannoj v XIX veke) » [“The golden bird (publication of the Ingrian tale, recorded in the 19th century”.] *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. V. VIII. Part 1, pp. 448–503.

Meyer R. *The History of Null Subjects in North Slavonic (A Corpus-based Diachronic Investigation)*. Habilitation Thesis. Regensburg: University of Regensburg, 2011. 274 p.

Müller G. Pro-drop and Impoverishment. *Form, structure and grammar*, ed. by P. Brandt, E. Fuss. Tübingen: Narr, 2005, pp. 93–115.

Musayev V. I. *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v kontse XIX— XX veke* [The politic history of Ingria in late XIX — early XX century]. Saint-Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2004.

Nikolayev I. S. *Osnovnyje tendencii v izmenenii grammatičeskoj sistemy iżorskogo jazyka XX veka* [Main tendencies in the changes of Ingrian grammar system during the 20th century]. *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000*. Part V. Tartu, 2001, pp. 449–453. (In Russ.)

Nikolayev I. S. *Otmiraniye yazyka: na materiale sojkinskogo dialekta izhorskogo yazyka*. [The process of language death: on the material of the Soikkola dialect of the Ingrian language. Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2002. 149 p.

Porkka V. *Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanlandischen Dialekte*. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn, 1885. 156 S.

Siewierska A. *Person*. Cambridge, 2004. 327 p.

Trudgill P. *Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity*. Oxford: OUP, 2011. 236 p.

Zalizniak A. A. *Drevnerusskiye enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2008. 280 p. (In Russ.)

Filatova E. N. *Detstvo, opalennoye vojnoj* [The war-affected childhood]. Saint Petersburg: Bel'veder Publ., 2003. 36 p. (In Russ.)